СТАЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

21-22 декабря 2019 года в Москве прошла научно-просветительская конференция "СТАЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ".

Конференция, посвящённая 140-летию Иосифа Виссарионовича Сталина, собрала более тысячи участников.

С докладами выступили:
Андрей Фурсов, кандидат исторических наук.
"Почему СССР? Почему Сталин?"
Михаил Делягин, доктор экономических наук.
"Сталин и глобализация".
Ольга Четверикова, кандидат исторических наук.
"Сталин и Ватикан".
Александр Колпакиди, историк спецслужб.
"Сталинские спецслужбы".
Валентин Катасонов, доктор экономических наук.
"Экономика Сталина".
Алексей Исаев, доктор исторических наук.
"Сталин как Верховный Главнокомандующий".
Николай Сапелкин, историк, религиовед.
"Религиозная политика Сталина".
Дмитрий Перетолчин, историк, публицист.
"Сталин и нефть".
Игорь Шишкин, кандидат педагогических наук.
"Триумф дипломатии Сталина".
Евгений Спицын, историк, советник ректора МПГУ.
"Мифы о Сталине".
Владимир Винников, культуролог.
"Сталинская политика в области культуры и искусства".
Максим Шевченко, журналист.
"Актуальность Сталина для сегодняшнего дня".
Михаил Костриков, кандидат исторических наук.
"Сыновья членов сталинского Политбюро в Великой Отечественной войне".
Сергей Сопелев, историк РВИО.
"Участие Сталина в первой обороне Царицына в Гражданскую войну".
Вели мероприятие Андрей ФЕФЕЛОВ и Николай САПЕЛКИН.
Особая благодарность Денису НАЗАРОВУ за прекрасную организацию конференции.
Газета "ЗАВТРА" начинает публикацию докладов участников "Сталинских чтений" с выступления Андрея Ильича ФУРСОВА.

21 декабря 2019 года. Москва. Гостиница «Измайлово». В зале Сталинских чтений.

Андрей ФУРСОВ

ПОЧЕМУ СССР? ПОЧЕМУ СТАЛИН?

Национальный поворот

1

Кто и за что ненавидит Сталина? Отвечая на этот вопрос, надо отметить, что в советской номенклатуре было две группы, противоположные по взглядам. С одной стороны — левые глобалисты, коминтерновцы, троцкисты и их идейные наследники, которые не могли простить Сталину, что он отказался от проекта мировой революции, а затем распустил и Коминтерн. С другой стороны — сторонники интеграции в мировую капиталистическую систему, наследниками которой стали номенклатурные "либералы", вышедшие из тени после 1956 года. Эти две группы представляли собой праволевый симбиоз, и Сталин эту, на первый взгляд, странную диалектику прекрасно понимал, отразив её в крылатой фразе: "Пойдёшь налево — придёшь направо, пойдёшь направо — придёшь налево".

В постсоветский период негативное отношение господствующих групп к Сталину обусловлено тем, что квази-идеологией, на которой строится их идентичность, является антисоветизм. В 1990-е годы он был явным, неприкрытым, а в последние годы в связи, с одной стороны, с конфликтом с Западом, а с другой стороны, с необходимостью реагировать на рост просоветских настроений, в том числе — и среди молодёжи, он выступает менее ярко, проявляясь в стремлении уколоть советское прошлое в кинофильмах, выступлениях и так далее.

Постоянные попытки кольнуть СССР сравнением с нынешними якобы достижениями (ситуация напоминает пропагандистское "одержание" из "Улитки на склоне" Стругацких) выдаёт комплекс неполноценности постсоветских господствующих групп по отношению к Советскому Союзу и его достижениям в культуре, социальной сфере, мировой политике. Важнейшая сторона этого комплекса — понимание того, что, сохранись Советский Союз, никаких социальных перспектив у них не было бы. Где были бы все эти гайдары, чубайсы и грефы? Сидели бы в журнале "Коммунист", воспевая великое учение Карла Маркса, или торговали цветами, или "стучали" бы в ГБ.

Однако несмотря на все старания по обливанию грязью советского прошлого и Сталина, последние опросы показывают, что 70% молодёжи позитивно относятся к Советскому Союзу и к личности Сталина. То есть получается, как в сказке о Мальчише-Кибальчише: "Буржуины бились-бились, да сами разбились".

Теперь посмотрим, почему Сталина многие так ненавидят на Западе? Ясно почему: подготовил СССР к войне, сорвал советско-германским договором начавшееся в 1938 году создание протоНАТО (ведь в Мюнхене не только подарили часть Чехословакии Гитлеру — это была попытка создать протоНАТО, направленное против Советского Союза), при нём послевоенный СССР стал де-факто сверхдержавой.

В то же время на Западе всегда находились люди, которые очень высоко оценивали Сталина. Вообще, есть чёткая закономерность: чем мельче политическая сошка на Западе, тем больше гадостей она говорит о Сталине, а чем крупнее политик, тем выше он оценивает Сталина.

Например, Де Голль: "Сталин имел колоссальный авторитет и не только в России. Он умел приручать своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А победу у него больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено. А Сталин не уйдёт в прошлое, он растворится в будущем".

А вот высказывание Чан Кайши, у которого, кстати, было очень много оснований Сталина не любить из-за перипетий и своей судьбы, и судьбы своего сына, Цзян Цзинго, который сидел в советской тюрьме. Чан Кайши 7 марта 1953 года сказал: "Генералиссимус Сталин был первый среди равных в союзнической коалиции. Внутренняя и внешняя политика сталинской России обусловлена стремлением Сталина укрепить её державный статус, обеспечить её глобальные интересы. Эти задачи, в основном, решены. Но что будет в СССР после Сталина, большой вопрос…"

Обратим внимание: и Де Голль, и Чан Кайши (один — с запада, другой — с востока Евразии) говорят об одном и том же: о том, что СССР выстоит, если у Сталина будут достойные преемники.

21 декабря 1979 года, в год столетнего юбилея Сталина, в албанском городе Сталин собрались представители полусотни марксистско-ленинских партий, которые квалифицировали Хрущёва и Брежнева как политических перерожденцев. Собравшиеся предсказали дальнейшую эрозию государства и общества в СССР: коррупция, рост национализма в республиках, фиктивность идеологии, некомпетентность руководства, культ политических перерожденцев. По их прогнозам, очень скоро Советский Союз должен был столкнуться с серьёзными проблемами. Правда, они сделали исключение для Румынии и ГДР, где процессы разрушения социализма шли, по их мнению, медленнее. Они не могли представить, что придёт некто Горбачёв, который сначала сдаст социалистический лагерь, в том числе ГДР и Румынию (Чаушеску при этом убьют), а уже потом сдаст и Советский Союз.

С каких позиций критикуют Сталина сегодня? Самый примитивный вариант — персональный: плохой человек был Сталин, злой, тиран, маньяк. Например, аргументация Антонова-Овсеенко, сына знаменитого большевика, такова: режим был плохой, потому что человек был плохой, мерзкий. Критикам такого типа много лет назад, защищая Байрона, ответил Пушкин: "При открытии всякой мерзости она, толпа, в восхищении: он мал как мы, он мерзок как мы. Врёте, подлецы! Он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе!". Я уже не говорю о том, что характеристика строя, режима даже в стране со столь персонализованной властью, как Россия, по личности лидера есть нечто среднее между слабоумием и дурновкусием.

Ещё одна линия — это линия патентованного лжеца Солженицына, с его "десятками миллионов жертв ГУЛАГа".

Но есть более хитрая линия — это попытка представить и возникновение Советского Союза, и победу Сталина как некую историческую случайность, выверт, девиацию: дескать, СССР могло бы и не быть в русской истории, а Сталин мог бы и не победить. То, что Сталин мог и не выиграть свою игру — да. С точки зрения теории вероятности, Сталин лично мог и не победить… Это мы сейчас знаем, что он победил, а в 1930-е годы это было непонятно. Тогда он жил в паутине направленных против него лично и его курса заговоров, и лично для него ничего не было решено. Пуля, как в Кирова, — и finita. Не случайно в 1935-м, проходя с одним из своих соратников кремлёвским коридором, Сталин сказал, что не знает, кто из охранников (а они стояли с винтовками) может выстрелить ему в спину. И, тем не менее, его победа — закономерна. А вот что касается уже не просто закономерности, а исторической необходимости появления СССР как единственного средства сохранения исторической России в XX веке (несмотря на все русофобские выверты режима интернационал-социалистов в 1920-е годы), то ответ на этот вопрос мне представляется ясным.

Перестроечная и постперестроечная шпана всё время твердила, что СССР был отклонением, ненормальным развитием, случайностью, а 1991 год — якобы возвращением к норме, в цивилизацию. Если помните, первую Государственную думу РФ кое-кто — по-видимому, отхлебнув одурина, — предлагал назвать Пятой Думой: дескать, Четвёртая была в 1917 году, а это Пятая. Потом опомнились.

На самом деле случайности могут быть в истории таких стран, как Коста-Рика, Того или Науру, тогда как в развитии таких стран, как Россия, Великобритания, США и Китай — случайностей, меняющих долгосрочный вектор развития, быть не может. Эволюция крупных сложных систем, как писал в своё время Александр Александрович Зиновьев, необратима. Эти системы можно уничтожить, но их нельзя повернуть вспять по какому-то случаю.

2

Итак, вопрос номер один: почему СССР? Любая новая система, чтобы возникнуть, должна снять противоречия предыдущей системы. О какие противоречия разбилось самодержавие? Отмечу три базовых и одно дополнительное.

Первое противоречие. В дореволюционной русской истории было три крупных структуры: Московское царство, Петербургское самодержавие (империя) и пореформенная Россия. Все господствующие группы этих структур были созданы властью: бояре, дворяне, пореформенные чиновники были функциональными органами самой власти. При этом каждая последующая господствующая группа и в абсолютном, и в относительном измерении была больше предыдущей: дворян было больше, чем бояр, пореформенных чиновников было больше, чем дворян (вообще, нужно сказать, что в XIX веке темп роста чиновничества в три раза превосходил темп роста населения в России). Иными словами, власть расширялась и разбухала в лице своих функциональных органов. А вот с точки зрения собственности всё было наоборот. У дворян собственности было меньше, чем у бояр, а пореформенные чиновники, даже высокопоставленные, чаще всего жили главным образом на зарплату. То есть слой собственности исторически истончался. И в этот процесс в последней трети XIX века врубается капитал, причём капитал и иностранный, и местный, нередко зависимый от Запада. Возникает противоречие-развилка между властью и собственностью. И сняться оно могло только по ленинскому принципу "кто — кого": либо власть придавливает собственность, очищается от неё, от всех классовых привесок, либо собственность в лице капитала задавливает власть, и тогда Россия становится зависимой от Запада полуколонией.

Второе противоречие заключалось в том, что Россия до начала XX века, по сути — до конца 1930-х годов, оставалась преимущественно аграрной страной. У Маркса был такой термин — "система работ", означавший комплекс хозяйственно-трудовых практик, типичный для данного социума и обусловленный природными, производственными и историческими факторами. До середины XVIII века российское дворянство жило потребностями, которые удовлетворялись за счёт местной системы хозяйства, местной "системы работ". Однако с середины XVIII века — после Петра и особенно при Екатерине II — русское дворянство стало жить по потребностям не своим, а по потребностям господствующих групп Западной Европы. Но в европах, во-первых, другое сельское хозяйство, там урожайность была не сам-3 или сам-4, как у нас, а сам-6, сам-7 и так далее. Во-вторых, Западная Европа уже в XVIII веке начала качать средства из колоний; о жесточайшей эксплуатации своих работяг я уже не говорю. Русскому дворянину, чтобы жить на западный манер и вести социокультурно приемлемый в своей среде, по крайней мере, в столице, образ жизни, нужно было усиливать эксплуатацию крестьян. Например, за правление Екатерины II эксплуатация как частновладельческих, так и государственных крестьян выросла в 3-3,5 раза. Здесь и возникает вторая развилка: либо дальнейшее усиление эксплуатации, гарантирующее верхушке западные или приближенные к ним жизненные стандарты, либо установление жёсткого контроля над потреблением верхов, ограничивающего его возможностями местной "системы работ".

Третье противоречие. Россия даже после Крымской войны считалась великой державой в политическом плане, а в экономическом она становилась, во-первых, всё больше сырьевым придатком Запада, и, во-вторых, попадала от него в финансовую зависимость. Отсюда две перспективы: либо великая держава с мощным военно-промышленным сектором, либо сырьевой придаток, где хозяйничают чужие буржуины.

Особо нужно сказать об аграрно-крестьянском вопросе. Реформы Столыпина (которого постсоветский режим, видимо, в силу классовой близости, провозгласил выдающимся государственным деятелем, чуть ли не героем) не только провалились, но и приблизили революцию. Более того, если бы они удались, то революция была бы значительно более кровавой и произошла раньше. Если бы всё пошло по Столыпину, то в городе уже в 1911–12 годах оказалось бы 10 –12 миллионов безработных мужиков, а промышленность могла абсорбировать только 2,5 миллиона. Можно представить, что могли бы натворить эти люди, которых Максим Горький изобразил в фигуре Челкаша.

Итак, постсамодержавная система должна была снять накопленные самодержавием и нерешённые им противоречия, а вдобавок ко всему решить аграрно-крестьянский вопрос, который был в запущенном состоянии. Реформа Столыпина, помимо прочего, показала, что выход из мелкого землевладения путём создания крупных индивидуальных хозяйств в России не срабатывает. В этом смысле колхозы — вовсе не злая выдумка большевиков, а единственный способ решения аграрно-крестьянского вопроса в конкретных исторических обстоятельствах.

Ко всем этим противоречиям добавился тот факт, что страну тогда возглавлял один из самых неудачных и бездарных правителей России — Николай II. Россия оказалась в тупике: буржуазия уравновешивала дворянство, разные фракции дворянства уравновешивали друг друга. Главное — не было субъекта стратегического действия. Условия для его возникновения создала Первая мировая война, которая расчистила историческую площадку для формирования совершенно разных субъектов. Например, Февральскую революцию совершил российско-британский субъект: интересы британского капитала, британских закрытых групп, британского государства и части российского капитала совпали. Тем более что одной из задач Февральской революции было купировать возможный реальный взрыв. Затем, как минимум, с весны–лета 1917 года начал формироваться ещё один очень интересный субъект. Это, с одной стороны, несколько десятков офицеров и генералов разведуправления Генерального штаба, которые понимали, что грядёт левая революция. Они видели, что наиболее известные деятели левых завязаны на иностранщину, и что нужно что-то делать, чтобы страна не распалась. Именно они сыграли ключевую роль в организации Октябрьского переворота. Затем Свердлов и Ленин их отодвинули. С другой стороны — часть большевиков.

3

В ходе и в результате Гражданской войны возникает советская система. Как разрешились те три противоречия, о которых я говорил?

Первое: власть очищается от собственности, возникает номенклатура. Что такое номенклатура? Это господствующий слой без собственности на вещественные факторы производства. Различия рангов номенклатуры внешне фиксируются размером пайков, уровнем потребления. Кстати, ещё в середине XVI века монах Ермолай Еразм написал Ивану IV "сказку", то есть аналитическую записку, где объяснил, что земли для раздачи остаётся мало, поэтому детям боярским (то есть будущим дворянам) не надо раздавать землю, а надо посадить их на продовольственный паёк. Ивану идея понравилась, но он не осмелился её реализовать. Номенклатура — это и есть реализация идеи Ермолая Еразма. Номенклатуру посадили на продовольственный паёк в соответствии с рангом. Конечно, номенклатура пыталась нарушать это правило, и с середины 1950-х годов нарушение стало нормой, но исходная модель была такова, и в её основе лежало возникновение такой власти, которая очищена от собственнических и классовых привесок, и сама является своей основой — чистая власть, то есть кратократия (этот термин я использую с 1989 года).

Второе: диктатура над потребностями. Каждому слою номенклатуры был жёстко определён уровень потребления. Это, опять же, сломалось с середины 1950-х годов, хотя проблемы были и раньше. Сталин это называл действиями "проклятой касты". Впервые он сказал об этом, когда советское правительство во время войны перебазировали в Куйбышев, и многие члены правительства озаботились созданием для их детей спецшкол, поскольку не хотели, чтобы их дети учились вместе с детьми работяг. Когда Сталин узнал об этом, он пришёл в бешенство и сказал: "Проклятая каста!" Тем не менее, отдельные школы в Куйбышеве были всё-таки открыты. Номенклатура уже тогда начала превращаться из "слоя в себе" в "слой для себя".

Третье: к 1937 году Советский Союз обеспечил себе военно-промышленную автаркию от капиталистического мира, то есть стал военно-промышленной державой и второй экономикой мира.

Таким образом, к концу 1930-х годов оформилась система, которая сняла все противоречия самодержавного строя.

В чём трудность изучения советской системы по сравнению и с русской историей, и с историей Запада? Не в том, что советская система просуществовала только 70 лет. 70 лет для XX века — это очень много. Даже 12 лет Третьего рейха — это много для XX века с его темпом. Дело в том, что советская система была отрицанием и самодержавия, и капитализма, и для её анализа нужна теория на порядок сложнее, чем для анализа самодержавной и капиталистической систем, советская система возникла на их стыке как двойное отрицание. Она была системным антикапитализмом. Другое дело, что в середине 1960-х номенклатура по квазиклассовым, то есть, проще говоря, по шкурным соображениям отказалась от рывка в посткапитализм (на языке номенклатурной идеологии — в коммунизм), и СССР так и остался антикапитализмом. По иронии истории окончательный отказ произошёл на июньском Пленуме ЦК КПСС 1967 года, который был посвящён разработке тезисов к 50-летию Октябрьской революции. Вот здесь рывок в посткапитализм и был похоронен. Но это отдельная тема.

Итак, мы выяснили: "Почему СССР?", показав, что возникновение советской системы было неслучайным. Теперь вопрос: "Почему Сталин?".

4

Несмотря на то, что в 1923 году провалилась революция в Германии, почти все 1920-е годы Советский Союз продолжал жить (и Сталин в том числе) под знаменем "Когда-нибудь будет Мировая революция!" После Германии внимание переключилось на Китай, но после переворота 1927 года, когда Чан Кайши вырезал тысячи коммунистов (в противном случае они "резанули" бы его самого и его команду), стало понятно, что и на Востоке с мировой революцией не получается. К тому же, в Англии чуть раньше "ушли" лейбористы и к власти пришли консерваторы, что существенно ухудшило ситуацию СССР на внешнем контуре.

Советскому руководству стало понятно, что индустриализация нужна срочно, равно как и широкая социальная база. И этой базой может быть, прежде всего, русское население. Но это русское население нужно было превратить из общинно-крестьянского в единую национально ориентированную массу. Коллективизация решала не только экономические задачи, но и задачу выработки единой национальной идентичности, что и было сделано в 1930-е годы. Начался, насколько это было возможно для режима с интернационалистской идеологией, поворот в национальную сторону. Отсюда обвинения Сталина со стороны левых глобалистов в "предательстве революции", отсюда его конфликт с Коминтерном, отсюда, в определённой степени (хотя, конечно, не во всём), репрессии 1937–1938 гг.

Поворот нашёл отражение даже в символике. В 1936 году 7 ноября перестал быть праздником Первого дня мировой революции и за ним закрепилось название, отчасти уже использовавшееся и ранее, — день Великой Октябрьской социалистической революции. В том же году появился термин "советский патриотизм" и была отодвинута школа Покровского. При том, что М.Н. Покровский во многом был замечательным историком, но русофобией от многих его текстов отдавало изрядно.

Ни один крупный представитель ленинской гвардии, ни один представитель Коминтерна на прагматический, единственно спасительный для строя поворот в национальную сторону был не способен, и потому одним из важнейших направлений политической борьбы 1930-х годов стала борьба Сталина с левыми глобалистами. Естественно, Сталин боролся и за свою личную власть. В политике не бывает такого, чтобы человек боролся только за какие-то идеалы: политик встраивает власть в идеалы, а идеалы — во власть. Сталину это не может быть поставлено в вину: власть — штука жестокая всегда и везде.

Совершая указанный поворот, Сталин вовсе не стал русским националистом — он как был марксистом, так им и остался. Но — марксистом русского разлива, причём ещё русскоразливистей, чем поставивший Маркса с ног на голову Ленин. Любой национализм для Сталина был неприемлем, что он и продемонстрировал после окончания войны кампанией против "космополитов" и намного более жестокой акцией по "ленинградскому делу", связанному, помимо прочего, с обвинением его фигурантов в попытке создать Российскую коммунистическую партию (РСФСР была единственной республикой, не имевшей своей партии). В то же время, не будучи националистом, Сталин в середине 1930-х годов совершил судьбоносный поворот СССР к историческим корням. Он был единственным деятелем в руководстве СССР — единственным как по стратегическому складу мышления, так и по своей психофизике (воля, преданность Делу, гибкость, широта взгляда, уровень образования), способным совершить, организовать, возглавить такой поворот по принципу "mobilis in mobile" — "подвижное в подвижном", переиграв при этом и "левых", и "правых", и просто западную агентуру. Но, как показали хрущёвские 1950-е, — не до конца. Это, впрочем, тема другого разговора.

Национальный поворот сработал в 1941 году. Сравним: 1915–1916 годы — выбит офицерский корпус, после этого рушится армия, а затем рушится самодержавие. Лето 1941 года: выбит офицерский корпус. И что же? Осенью приходит молодое пополнение, и они становятся офицерами армии, которая сломает хребет Гитлеру. Я хорошо знаю этих людей: по своему отцу и по его друзьям. Отец отвоевал войну и расписался на Рейхстаге. Это были советские люди, воспитанные в 1930-е годы, со всеми плюсами и минусами, но только такие люди могли сломать хребет Вермахту. А вот армия Российской империи победить не смогла. Я не говорю о том, что в Первую мировую войну не было русского героизма. Был. Но когда у Министерства обороны рядом с памятником подвигам в Великой Отечественной войне ставят памятник героям Первой мировой, я считаю, что это уравнивание неправильно. Ставки в Великой Отечественной войне были намного более высокими, чем в "первую германскую". Вильгельм II не собирался физически уничтожать 30 — 40 миллионов русских, стерев нас как народ из Истории. А в Великую Отечественную — война шла за то, чтобы русским физически и метафизически остаться в Истории в качестве определённого этноса, контролирующего определённое пространство на основе определённых ценностей. В Первую мировую войну об этом речи не шло. Тем более что из Первой мировой Россия вышла рухнувшей, а из Второй — сверхдержавой. Это была победа социализма в виде сталинской системы. Народ без и вне системы — толпа. Побеждают не просто народы, а народы, организованные в систему.

Даже тот факт, что все огрехи советской эпохи и "либеральная номенклатура", и перестроечно-постперестроечная шпана, и подшакаливающие им группы сов- и постсовинтеллигенции (а точнее — обслуги) валили и валят на одного человека, говорит о его масштабе и величии. У Эренбурга есть такие строки: "Играй ты молча иль речисто, / Играй героя иль статиста, / Но ты ответишь перед всеми. / Не только за себя — за Время!" И то, что враги Сталина наваливают на него обвинения, которые, на самом деле, можно предъявить только его времени, говорит о величии этого человека. Хочешь — не хочешь, но даже по негативу они вынуждены это признать. Признать то, что Б. Пастернак сформулировал так: "А в эти дни на расстоянье / За древней каменной стеной / Живёт не человек — деянье, / Поступок ростом с шар земной".

На наших глазах заканчивается отрезок истории, который я называю Эпохой турбулентности (1989/91–2019/21 гг.). Это бесславное тридцатилетие было эпилогом XX века и прологом века XXI. Сегодня мы живём уже не в предвоенную, а в военную эпоху, когда целые народы и страны стираются из Истории. В такой ситуации очень важна идеология, очень важно отношение к своему прошлому. Необходимым условием победы в войне за XXI век, в этой последней Большой Охоте эпохи капитализма, является единство народа и правителей, правящих групп: последние должны отождествлять себя со своим народом, его ценностями, а не с заокеаньем. Должны быть чёткие критерии оценки того, отождествляет себя элита с основной массой населения, с народом — или нет. В каждой стране они разные. У нас это, безусловно, отношение к Сталину — именно оно, помимо прочего, определяет либо низкопоклонно-капитулянтский, либо гордо-победительный, национально-ориентированный курс. Третьего не дано.